

II. КУЛЬТУРА

С. А. Кудрявцев
Екатеринбург

ВИРШИ НА ГЕРБ КНЯЗЯ К. К. ОСТРОЖСКОГО В ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ 1581 г.: ЛИТЕРАТУРА И ГЕРАЛЬДИКА

Вирши Г. Д. Смотрицкого на герб князя К. К. Острожского вместе с сопутствующими им стихами к читателю в Острожской Библии 1581 г. (ОБ) рассматривались исследователями неоднократно. Впервые они были опубликованы П. Гильтебрандтом¹ и далее сделались объектом наблюдений историков и теоретиков литературы².

Особенность этого старейшего из известных памятников искусственной поэзии состоит в том, что, формально относясь к жанру стихов на герб, вирши представляют собой настоящее литературно-публицистическое произведение. Появившаяся в условиях идеологической борьбы православных с католиками и протестантами, ОБ не могла не иметь предисловия, отвечающего культурно-политической ситуации своего времени. С одной стороны, следовало указать на опасность и обличить инакомыслящих, с другой – предотвратить еретические толкования текста, что было особенно важно во время, когда “разгоряся велик пламень злохитрых и многоглавых ересей” (л. 5 нн. об.)³. Реше-

¹ См.: Памятники русской старины. Вып. VI. СПб., 1874. С. 158–159; *Перетц В. Н.* Малорусские вирши и песни в записях XVI–XVIII вв. Т. I. СПб., 1899. С. 3–5; *Українська поезія: Кінець XVI – початок XVII ст.* (Упор. Колосова В. П., Кречотень В. І.). Киев, 1978. С. 61–62.

² См.: *Перетц В. Н.* Малорусские вирши и песни в записях XVI–XVIII вв. С. 2–18; *Он же.* Из истории русской песни // Историко-литературные исследования и материалы. Т. I. СПб., 1900. Ч. I. С. 66–68; *Он же.* Из наблюдений над украинским виршеписанием XVI–XVII вв. // Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 146; *Папченко А. М.* Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства // ТОДРЛ. Т. 20. М., 1964. С. 266; *Он же.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 29, примеч. 51; *Коляда Г. І., Ісаевич Я. Д.* Друкарська справа на західноукраїнських землях (XVI–XVII ст.) // Книга і друкарство на Україні. Киев, 1965. С. 43; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 205–206.

³ *Сазонова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 172.

нию этих задач оказалась подчинена и геральдическая композиция 1581 г. (вирши и герб), входящая в структуру предисловий.

Характер описания геральдических эмблем в этих виршах исследователями не выявлен. Между тем проблема трансформации символических планов исходного текста (в данном случае геральдического) в символику полемического сочинения представляется очень любопытной. В этой работе предлагается рассмотреть систему кодов в предисловиях ОБ, принимая во внимание мнение интерпретаторов (читателей), к которым эти коды обращены.

* * *

ОБ, как и предыдущее издание Ивана Федорова, Новый Завет с Псалтырью 1580 г., открывает титульный лист. В большинстве активно читавшихся экземпляров книги этот лист утрачен, причем довольно рано, уже в начале XVII в. Некоторые экземпляры имеют восстановленный титульный лист, более или менее близкий к первоначальному. Иногда восстанавливается только текст титула⁴, но часто читатели хотят сохранить и его орнаментику⁵. На таких листах встречаются записи читателей и рисовальщиков. Они могут располагаться на не заполненных штриховкой элементах рамки: колоннах, двух круглых отверстиях в ее верхних углах, внутреннем крае арки, подножии рамки и др.

Лицевая сторона титула украшена прямоугольной рамкой, в основу которой было положено обрамление гравюры “Иисус Навин” немецкого ксилографа Эргарда Шена из Библии 1524 г., переработанное Федоровым в стилистике московского старопечатного орнамента, ставшее более ренессансным, композиционно более совершенным, более книжным, более русским⁶. Эта рамка уже использовалась в Апостолах 1564 и 1574 гг., где внутри нее был помещен евангелист Лука⁷.

В Острожской Библии рамка, традиционно являющаяся принадлежностью гравюры или миниатюры, приобрела иное смысловое звучание. Внутреннее пространство рамки заполняет название книги и текст аннотации. Рамка стала триумфальной аркой, символом торжественного “входа”, при-

⁴ РГБ. № 8275. К экземпляру прилагается тетрадь из четырех листов in folio, белая дата 1816. На голубой бумаге этих листов переписаны титульный лист и предисловия ОБ. Орнаментика не воспроизведена.

⁵ РГБ. № 1450, № 6271; ЛАИ УрГУ. II (Горнозаводское) собр. 12п/2302, XX (Башкирское) собр. 6п/2726 и др. Незаконченный рукописный вариант титула вложен в экз. ГПИБ. 16.9.2 ОИК – 44888. Это лист плотной бумаги в 2° XX в. с наклеенной на него половиной листа вержированной бумаги, на которой почерком XIX в. переписаны первые три строфы виршей, с ошибками, свидетельствующими о непонимании текста: вместо “Боди” написано “Буди” и др. Строфы расположены так же, как в ОБ, почерк копирует оригинал.

⁶ См.: Сидорова А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 78.

⁷ См.: Каменица Т. Н., Гусева А. А. Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Гос. б-ке СССР им. В. И. Ленина. Вып. I. М., 1976. № 790.

глашения человека к познанию чего-то особенного⁸, она вводит читателя в мир, о котором говорит аннотация, дополняющая выделенное красным цветом заглавие⁹. В то же время рамка – это своеобразные “узкие врата” для избранных (Мф. 7, 13–14), запирающие “град крепок” божественного Писания¹⁰. Такое понимание формулируется в одном из предисловий ОБ по отношению ко всему корпусу вступительных текстов в книге. В холмогорском экземпляре книги этот “град крепок” изображен читателем XVII в. в древнерусской иконографической традиции под текстом предисловия¹¹. Рамка титула, открывающая анфиладу предисловий, служит наиболее зримым воплощением дверей “крепкого града”; текст, помещенный внутри нее, повторяется и развивается в предисловии издателя К. Острожского, а переходным звеном между рамкой и предисловиями служит геральдическая композиция на обороте титула, также посвященная князю. Таким образом, видна тесная связь титульного листа со всей системой предисловий, составляющих одно идейное целое.

* * *

Геральдическая композиция в честь мецената и организатора издания, князя Константина Константиновича Острожского, помещенная на обороте титульного листа, является идеологическим центром вступительных разделов книги. Ее основу составляет герб князя, окруженный литерами К. К. К. О, которые являются монограммой “Князь Константин Константинович Острожский”. Литеры привлекали внимание, читатели обводили их киноварью¹². Любопытно, что не все читатели расшифровывали сокращение именно так. В экземпляре из Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника (Ст IV 215) возле литер дописано: “Krol Kxiazе Konstan[tyн] Остроз[ский]”¹³. Родовой герб князя представляет собой комбинацию нескольких геральдических элементов¹⁴. Это геральдический щит, сложный по форме, с несколькими ущербами сверху, снизу и по бокам, разбитый и рассеченный. Узкие полосы, разбиваю-

⁸ См.: *Степовик Д. В.* Острожские издания Ивана Федорова и формирование титульного листа украинской старопечатной книги // *Федоровские чтения* 1981. М., 1985. С. 139.

⁹ См.: *Пуцко В. Г.* Острожская Библия и некоторые принципы художественного оформления русской рукописной книги // *Федоровские чтения* 1981. С. 126.

¹⁰ Характерно, что во второй половине XVII в. киевскими и львовскими граверами утверждается уподобление титульного листа “царским вратам”, т. е. входу в алтарь, иногда с элементами иконостаса (*Степовик Д. В.* Острожские издания Ивана Федорова... С. 140–141).

¹¹ РГБ. № 1461. Рисунок опубликован: *Исаевич Я. Д.* Літературна спадщина Івана Федорова. Львів, 1989. Обложка.

¹² РГБ. № 1447.

¹³ *Исаевич Я. Д.* Каталог збережених друків Івана Федорова та читачські записи на них // Літературна спадщина Івана Федорова. С. 165.

¹⁴ Автор приносит благодарность С. А. Белобородову и А. В. Полетаеву за помощь и консультации при работе с геральдическими символами.

щие и рассекающие щит под прямым углом, образуют крест. В поле каждой из четырех частей щита помещены символические фигуры. Над щитом расположен шлем впрям, со спущенной решеткой из семи решетин, на шлеме – корона с семью жемчужинами и нашлемником из пяти павлиньих перьев. Намет на шлем изображен в виде нескольких крупных листьев. Герб включен в овал и имеет вокруг овальную гирлянду, пропущенную сквозь отверстия картуша¹⁵.

Геральдические элементы – обычное явление для книг, издававшихся в XVI–XVII вв. на территории государства Речь Посполитая. Все польские издания этого времени обязательно имели герб либо вельможи (а иногда и короля), которому были посвящены, либо города¹⁶. Громкое имя служило своего рода рекламой. В этой функции геральдика дополнялась предисловиями, по большей части посвященными меценатам или просто выдающимся людям своего времени. Такие предисловия распадались на две части – собственное предисловие и стихи на герб¹⁷.

Издатели ОБ, следуя этой традиции, прикладывают к гербу стихи: пространство выше и ниже герба занимают вирши, составленные в строфы из десяти строк. Первая строфа виршей поставлена в центре верхней части листа и обращена к читателю.

* * *

Строфа содержит несколько “управляющих кодов”, которые должны воздействовать на читателя. Прежде всего это императивное приглашение рассмотреть герб князя, втягивающее в чтение: “Зри сия знамения княжате славнаго / их же сдържит дом его с века давнаго” (этой же функции способствует центровое расположение строфы у верхнего края листа). Герб не воспринимается автором виршей как единое целое: это “знамения”, или знамена, геральдические символы, в которых подчеркиваются две самые важные, со шляхетско-феодальной точки зрения, черты рода – древность герба и фамилии, а также ее благородство, что, как указывает С. Т. Голубев, было существенным элементом польской герботолковательной литературы¹⁸, влияние которой на украинскую подчеркивают многие исследователи.

Древность княжеского рода Острожских не находится в сфере пристального внимания Г. Смотрицкого. Он отсылает к знаменам герба, потому

¹⁵ Изображение см.: *Каленева Т. Н., Гусева А. А.* Украинские книги кирилловской печати... № 748.

¹⁶ См.: *Берков П. Н.* Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников. VI. Иван Федоров и польская типографская традиция // Иван Федоров первопечатник. М., 1935. С. 108–109.

¹⁷ См.: *Софронова Л. А.* Польские старопечатные предисловия XVI–XVII вв. (литературные и филологические функции) // Русская старопечатная литература... С. 103–104, 109.

¹⁸ См.: *Голубев С. Т.* Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. // Тр. Киев. духов. акад. 1872. № 10. С. 295.

что искушенный в геральдике читатель сам прочтет все эти эмблемы надлежащим образом. Цель виршей – изложить свое понимание этих эмблем, и притом такое их понимание, которое было бы связано с общей концепцией книги. Поэтому вместо того, чтобы пересказывать генеалогические легенды, Герасим Смотрицкий дает историческую характеристику прошлому княжеского рода, благородство которого состоит в активной защите православия, многочисленных победах над неприятелем, “драпежными волками”, в которых современник, знакомый с полемической литературой, без труда узнает идеологических противников¹⁹. Сам князь Константин Острожский представляется в этих виршах в образах “делателя” из новозаветной притчи и христианского воина одновременно: “Но яко достоин делатель своей заплаты, / не щадяще здравия никоея утраты / Крепко побеждал различных съпостат полки / и разгонял с короны драпежныя волки”. Автор систематично выстраивает авторитетный образ князя, используя для этого в основном исторический и библейский материал в ущерб элементам геральдики. В полной мере это проявится в дальнейших виршевых комментариях, где Г. Смотрицкий переходит к разработке темы противника и оружия для христианского воина, используя в качестве материала “знамена” герба. В следующей строфе описывается первое “знамя”.

Начальные строки представляют геральдическое описание: “Въоружен воин змия поправ мужественно, / копием сего посреде пронзе явственно. / Яко древняго враждебника человеческого рода, / понеже злomu з добрым не бывает згода”. Согласно современной трактовке, в первой четверти щита помещен всадник, “ездец” с копием, обращенный влево, попирающий змея-дракона. Композиция представляет старинную печать русских князей и позднее – герб г. Москвы. В первую, самую почетную четверть щита московский герб поставлен вследствие генеалогической легенды второй половины XVI в., выводящей происхождение князей Острожских от Рюриковичей и, соответственно, ставившей этих украинских магнатов в родство с московскими князьями. Эта легенда отражала не столько объективную истину, сколько особенности сознания своего времени²⁰.

А. Б. Лакиер указывает, что в образе всадника русские люди XVI–XVII вв. видели преимущественно конкретного царя, князя, человека на коне с копьем, который колет и побеждает змея. Только в XVIII в. фигура была

¹⁹ “По всей видимости, он имеет здесь в виду не только еретиков-антиринитариюв, но и апологетов католицизма. ... полемикy с католиками приходилось вести в завуалированной форме, а антиринитариюв можно было критиковать открыто...” (*Исаян Я. Д.* История издания Острожской Библии // *Острожская Библия*. Сб. ст. М., 1990. С. 14).

²⁰ См.: *Яковенко П. Н.* Персональный состав княжеской прослойки Волыни и центральной Украины конца XIV – середины XVII вв. Князья в свете законов и традиций // *Историческая генеалогия*. Вып. 1. Екатеринбург, 1993. С. 35.

помещена во вневременной символический контекст: законодательными памятниками объяснено, что в московском гербе изображен св. Георгий Победоносец. Иностранцы придерживались в основном последнего толкования²¹. В гербе Острожского всадник истолкован именно в этом смысле, так как имеет нимб. Двойное толкование этого знамени (“ездец” – князь и св. Георгий) отразилось и в читательской традиции ОБ. Владельцы книги прочитывали “ездеца” по-разному, это доказывают две искусные рукописные копии герба, сделанные разными художниками в XVII в. для реставрации своих экземпляров книги (ил. 1, 2). У всадника с копием на первом рисунке круг нимба по сравнению с оригиналом подчеркнуто преувеличен (ЛИАИ УрГУ. II.12п/2302); на втором “ездец” изображен в высокой круглой шапке, такой же, как и у литовской Погони (ЛИАИ УрГУ. XX.6п/2726). Это означает, что автор рисунка не видел между обоими всадниками принципиальной разницы. Такое “московское” понимание этой эмблемы может служить второстепенным атрибутирующим признаком, хотя свою роль здесь сыграло, вероятно, и расплывчатое толкование фигуры “ездеца”, данное в виршах.

Вторая часть строфы является обращением к князю и служит изъяснением геральдического описания: “Боди, в князех избранный, мысленного сопостата, / сего бо побеждающим вечная заплата. / И иным подавай сие непобедимое оружие: / острейшее меча обоюдоостра слово Божие”. Змей (дракон) как эмблема нечистой силы, язычества, невежества²² принимает облик “мысленного сопостата”, действенным оружием против которого служит слово. Поражение, прободение “сопостата” словом Божиим в связи с геральдической эмблемой отсылает к древнейшей редакции жития св. Георгия, где он одерживает победу с помощью молитвы-заклинания, а не с помощью воинской доблести. Бескровно победив врага, Георгий обращается к освобожденным им людям с поучением. Соответственно этому в древнейших русских изображениях Георгия-воина преобладают черты проповедника христианства, мученика²³. Такой образ св. Георгия в народной культуре сопоставлен с другими святыми – св. Елизаветой, которая “бысть же чудес делательница, змяя лютаго молитвою умертви”²⁴, и Ильей пророком, что “на колеснице езда гремит, молния пускает по облакам и гонит змия”²⁵. Примыкая к этой традиции, автор виршей

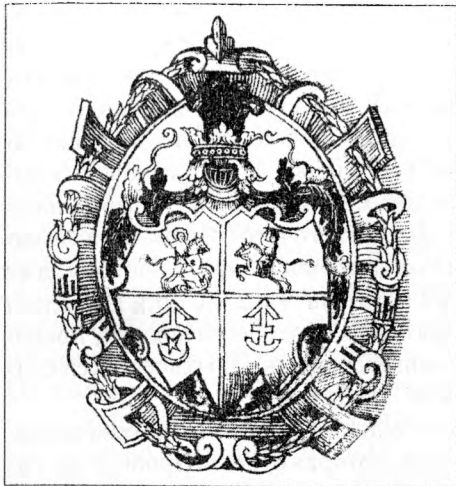
²¹ См.: *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Переизд.: М., 1990. С. 81–86.

²² “Символизм первых веков христианства широко воспользовался старою семито-арийскою фигурою дракона-змия и сделал его постоянным символом дьявола, ада и всего враждебного благочестивым людям: язычества, ереси” (*Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Ч. II. Св. Георгий в легенде, песне и обряде. Сб. ОРЯС. Т. 21. № 2. СПб., 1880. С. 70–71.).

²³ См.: *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // *Алпатов М. В.* Эпосы по истории русского искусства. Т. I. М., 1967. С. 154–169.

²⁴ *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. С. 84.

²⁵ Там же. С. 86.

Ил. 1

Ил. 2

соотносит со св. Георгием князя Острожского, который имеет того же противника и борется против него теми же методами, а следовательно, действует в рамках авторитетных житийной и иконографической традиций.

Помимо упоминания о св. Георгии и его подвиге, библейский образ “острейшего меча обоюдоостра слова Божия” (“...меч духовный, который есть слово Божие”, Еф. 6, 17) в контексте рассуждений автора виршей актуализирует идею пользы книг, которая опирается на общее средневековое представление о сакральном значении священного текста. Авторы предисловий, как и вообще средневековые писатели, нередко исповедовали евангельскую мысль о слове как атрибуте Бога, которое в силу этого обладает огромным воздействием.

Герасим Смотрицкий в предисловии ОБ “К благоверному и православному всякого чина, возраста же и сана читателеви” развивает данный в виршах образ духовной битвы, сравнивая материальное и духовное, объясняя одно через другое, так, как это делалось в евангельских притчах. Образы, с которыми сравнивается православный полемист (врач,

воин, корабельный строитель, моряк), также традиционны. Подобно тому, как врачам следует с прилежанием налагать пластырь на телесную язву, воинам “вздвизати оружие и оплчаться крепко тамо, идеже есть съпостатная брань”, а корабельным строителям показывать свое искусство во время зимы и бури на море, “тако и нам достоит вся чувства наша очистивше и облек-

шеся въ вся оружия Божия, зрети и обращати тамо, откуда диавол рыкая яко лев приходит искии церковь Божию растерзати, ополчатися и бранити мужественно, повинующеся под крепкую руку Божию, и ничтоже нас вредити может” (л. 1 нн. об.). Сравнение слов идеологических противников со стрелами (“многи бо сут бесовския козни и прелеснича соблазны умякчают бо словеса своя паче елєя и та суть стрелы” (л. 1 нн. об.–2 нн.)) углубляется полемическим противопоставлением со словами самого Бога, “неизреченными глаголами”, которых “не лет есть человеку глаголати”. Слово Бога “живо и деиственно, и острєше паче всякаго меча обоюду остра, и проходя даже до разделения души и духу, членов же и мозгов” (л. 2 нн. об.). И именно такое слово – “вся божественная писания обоєго завета всем повсюду православным христианом” – подает “достойный делатель мзды своея... сеи благочестивый князь, егоже имя горе и доле” (л. 3 нн.).

В вирши на герб князя Острожского, таким образом, вынесена основная мысль этих рассуждений, задана тема, которая будет подробнее обсуждаться далее, и задан угол зрения, под которым возможно прочтение основного текста публикуемой книги.

Подобно Герасиму Смотрицкому, Кирилл Транквиллион в предисловии к Евангелию учительному (Рохманово, 1619) называет книгу “стрела ядовитая против дьявола”, сходные образы имеются в предисловиях Захарии Копыстенского (Казань на честном погребѣ... Елисея Плетенецкого. Киев, 1625) и Михаила Слезки (Октоих. Львов, тип. М. Слезки, 1640)²⁶.

Слово Божие и связанная с ним “военная” тематика, подчеркнутая в виршах и предисловиях Острожской Библии, неизменно привлекали внимание ее читателей в конце XVI–XVII вв. Во многих экземплярах книги имеются записи, обнаруживающие Слово Божие в тексте Библии и сопоставляющие по этому признаку Ветхий и Новый Завет. Сила Бога, выраженная в слове, распространялась и на учеников Христа, его вестников, сопоставляемых читателями со стрелами²⁷.

* * *

Московский “ездец” послужил идеальным символом для развития замысла Герасима Смотрицкого, поскольку целиком соответствовал общей идеологической концепции издания. Описание следующего “знамени” в третьей строфе служит поводом для автора виршей развить намеченную тему. Строфа начинается так же, как и предыдущая, служит ей парой и продолжением: “Вторый воин храбростию пръвому подобный, / токмо оружием отменен и то посел гробный. / Меч бо обнажен в десницы имея обоюду, / имже

²⁶ См.: Сазонова Л. И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // Русская старопечатная литература... С. 148–149.

²⁷ ЛАИ УрГУ. №1 (Горнозаводское) собр. 12п/2302. Л. 73 перв. сч., 3 об., 9, 45 об. втор. сч.

крепции на враги приемлют победу”. В современной терминологии, во второй четверти щита помещен другой “ездец” – всадник в латах, с поднятым над головой мечом, обращенный вправо (геральдически правильно), так называемая литовская Погоня или Погонь. Первоначально означавший, по выражению летописи, “рыцаря збройнаго на коне с мечем”, погонь этот впоследствии обратился в изображение самого литовского великого князя, едущего, по обыкновению, на коне на защиту своих владений и для расширения пределов своего государства²⁸. Герб “Погонь” (от польского *Pogon* – “витязь”) вводили в геральдические композиции магнаты, возводившие свое происхождение от великокняжеского рода. В гербе князя К.К. Острожского это “знамя” также указывает на владения в Литве: его отец Константин Иванович Острожский, первый в истории Литвы великий гетман, владел Слуцком²⁹.

В виршах обоюдоострый меч литовской Погоня, как и копие московского “ездеца”, понимается духовно, однако противник указан точнее: “Отсекай, Константине, мрак идолския лести, / хочет бо Бог всем человеком ся спасти. / И отгоняй еретиков полки умовредныя, / приидоша бо в мир волки нещадныя”. “Мысленный сопостат” конкретизируется в образе “еретиков”, происходит слияние всех его эпитетов: “сопостат полки” и “драпежные волки” из первой строфы дополняются здесь “нещадными волками”. Это некоторая общая характеристика неприятеля. По существу же, “еретики” названы “мысленным сопостатом”, “идолской лестью” и “умовредными волками”, и такой неприятель, конечно, может быть побежден только духовным словом Божиим.

Резкое понимание просветительской спасительной проповеди как пробождения, отсечения мрака еретической мысли соседствует с тактикой “отгоняния” и “разгоняния” словом Божиим “волков” от стада Христова. “Боди”, отсекай, отгоняй и разгоняй – вот те меры, которые рекомендуются Константину и должны быть последовательно применены к “еретикам” в сложившейся ситуации. В виршах к первой московской Библии 1563 г. основные из этих мер (уже без отношения к двум всадникам) упоминаются вновь: “Побеждай копием сопротивнаго ти змия / наипаче же мечем духа еретики злыя”.

Любопытна сама терминология, используемая Герасимом Смотрицким при создании образа идеологического противника. Повода для того, чтобы назвать его “волками”, геральдическая символика издания не дает. Символы стада, пастыря и волков широко используются в Библии, где волки названы “хищными” (Быт. 49, 27; Мф. 7, 15), “пустынными” (Иер. 5, 6), “вечерними” (Авв. 1, 8; Соф. 3, 3), “лукавыми” (3 Езд. 5, 18) и “лютными”

²⁸ См.: *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. С. 76.

²⁹ См.: *Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, powiększony dodatkami z powniejszych autoryw, rękopismy, dowody urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza.* Lipsk, 1841. T. VII. S. 176.

(Деян. 20, 29). В виршах ОБ можно наблюдать развитие этой системы. Как указывает В. П. Колосова, “еретиков полки умовредныя” и “нещадные волки” заимствованы Герасимом Смотрицким из наследия новгородских книжников XV в., переработавших для ведения полемики с католиками антибогомильское сочинение Козмы Пресвитера, болгарского писателя X в.³⁰ Образ “драпежных”, “умовредных”, “нещадных” волков после выхода в свет Острожской Библии будет широко использоваться различными полемистами, войдет в арсенал подобных ругательств полемической литературы XVI – первой половины XVII вв.³¹ Бранные выражения из предисловий Острожской Библии перешли в полемический трактат Герасима Смотрицкого “Ключ царства небесного”, цитируются в предисловиях русских печатных книг XVII в.: в книгах, изданных А. Радишевским, Н. Ф. Фофановым, в первой московской Библии 1663 г. и др.³² Широкое употребление бранных именований идеологических противников наблюдается в записях некоторых читателей Острожской Библии³³.

* * *

Вслед за вторым обращением к князю следует разбор двух оставшихся “знамен” в нижней части щита – условных символических фигур, которые истолкованы в виршах еще более отвлеченно.

Третью четверть щита занимает фамильный герб князей Острожских, составленный из двух других гербов – Огоньчика (вверху) и Леливы (внизу). Как сообщает К. Несецкий, К. И. Острожский взял эти гербы в память о двух своих сыновьях – Илье-Елиасе (1510–1539), владевшем Костелецким гербом Огоньчик, и Константине-Василии (1526–1608), который владел Тарновским гербом Лелива³⁴.

В красном поле герба Огоньчик (или Rogoczyk, Powala) изображена половина летящей вверх серебряной стрелы, воткнутой в половину кольца в

³⁰ См.: Колосова В. П. Герасим Смотрицкий і Козма Пресвітер: До питання про українсько-болгарські літературні зв'язки // Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984. С. 41–46; *Она же*. “Слово на еретики” Козьмы Пресвітера і предисловія к Острожській Библиї Івана Федорова // Федоровские чтения 1983. М., 1987. С. 174–180.

³¹ О брани в полемической литературе см.: *Перетц В. Н.* Брань как прием у польских и украинских полемистов XVI–XVIII вв. // Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков.: Сб. по рус. яз. и словесности АН СССР. Т. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 56–72; *Сазотова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия... С. 134–136.

³² См.: *Елеонская А. С.* Русские старопечатные предисловия и послесловия второй половины XVI – первой половины XVII в. (патриотические и панегирические темы) // Русская старопечатная литература... С. 92–93.

³³ См.: Кудрявцев С. А. Рукописные дополнения в экземпляре Острожской Библии из Елифановского собрания БАН // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М. И. Рижского (29–30 октября 2001 г.). Новосибирск, 2002. С. 116–119.

³⁴ См.: *Herbarz Polski*... Т. VII. S. 176.

виде радуги золотого, иногда серебряного цвета. Над короной, прилегающей к гербу, воздеты к небу две женские руки. Появление герба описывает легенда, пересказанная К. Несецким³⁵.

Герб Лелива состоит из положенных в голубом поле шестиугольной звезды (в геральдике символ ночи и вечности) золотого цвета и под нею золотого же полумесяца, рогами обращенного вверх. На павлиньих перьях на-шлемника повторяется та же фигура³⁶.

Вопреки геральдическому описанию, в гербе, помещенном в ОБ, звезда изображена пятиконечной. Сравнение герба из Острожской Библии 1581 г. с гербами на острожских и дерманских изданиях (Букварь 1578 г.³⁷, Новый Завет с Псалтырью 1580 г.³⁸, Маргарит 1595 г.³⁹, Псалтырь с воследованием 1598 г.⁴⁰, Октоих 1604 г.⁴¹, Лист... до велебного епископа Ипатия Потее... 1605 г.⁴², Лекарство на оспалый умысл чоловечий 1607 г.⁴³, Часослов с меся-цословом 1612 г.⁴⁴), на рукомое XVI в., принадлежавшем князю К. К. Острожскому⁴⁵, а также с изображениями филиграней острожской бумажной мельницы⁴⁶ показывает, что в гербе Острожских звезда первоначально имела шесть лучей (Букварь 1578 г.). В 1580 г. утверждается вариант с пятью лучами, который становится наиболее распространенным. В 1598 г. (Псалтырь с воследованием. Острог) был изготовлен новый вариант герба, более пышный, где звезда снова имеет шесть лучей. В филигранах острожского производства с 1598 г. можно наблюдать преимущественно шестиконечную звезду. Примечательно, что читательские рисунки гербов ОБ копируют не только пятиконечный, “неправильный”, вариант (см. ил. 2).

* * *

Геральдического описания Огоньчика и Леливы в виршах не дается: значение этих эмблем слишком далеко от смыслов, которые хочет увидеть в них Герасим Смотрицкий. Изымая из символического содержания фамильного герба Острожских “знамя” Лелива (звезду и месяц), он последователь-

³⁵ См.: *Herbarz Polski*... Т. VII. S. 58. См. также: *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. С. 282.

³⁶ См.: *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. С. 277–278.

³⁷ См.: *Запаско А. П.* Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974. № 52.

³⁸ *Камелева Т. Н., Гусева А. А.* Украинские книги кирилловской печати... № 746.

³⁹ См.: Там же. № 751.

⁴⁰ См.: Там же. № 752.

⁴¹ См.: Там же. № 752a.

⁴² См.: Там же.

⁴³ См.: Там же.

⁴⁴ См.: Там же.

⁴⁵ См.: *Журавлева Л. С.* Именные сосуды из Смоленского музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М., 1994. С. 285–288.

⁴⁶ Снимки см.: *Майюк О. Я.* К истории острожской бумажной мельницы // Федоровские чтения 1981. С. 145–146.

но дает им новое толкование: “Всияла звезда ясно от востока, / последую прьвои возвещенной от пророка. / И приводит от Ирсыды трех цареи з дары, / поклонитися с верою цареви над цары”. С символом звезды, напоминающей евангельские события, автор виршей соотносит луну (в Леливе – полумесяц), означающую ночь и Ветхий Завет, и прибавляет третий символ – солнце, означающий торжество христианской истины: “Твоя звезда ныне тому же последует цареви, / хотя всех сотворити жителя Раеви. / И убывает луна ветхаго завета, / сияет бо солнце неприступнаго света”. Образуется единая система символов, позволяющая истолковать фамильный герб Острожских. Возникает оппозиция “ночь – день”, в рамках которой сопоставляются Ветхий и Новый Завет. Появление в виршах суждений о Ветхом Завете тем более важно, что издаваемый памятник на две трети состоял именно из ветхозаветных текстов. Образ ночи и дня будет еще раз использован Герасимом Смотрицким в виршах, завершающих вступительные разделы ОБ: “Восточная церкве яко дневи начало, / и действо Богоподобными изрядно сияло. / Западные же церкве яко начало ночи...” (л. 3 нн. об.).

Вся система символов представляет этапы миссии Спасителя, с которой сопоставлена миссия князя Константина. Такое сравнение необходимо в виршах, так как намечает должный финал княжеской битвы: “В нем же ходя не поткнется, / но паче спасется” – поверженные еретики, бродившие во мраке своих заблуждений, спасаются, приходят к истинному свету и становятся “жителями раеви”.

* * *

Продолжению рассуждений автора виршей как нельзя лучше способствует последнее “знамя” герба. В последней четверти щита помещен герб Конча (Koncza): крестообразно перечеркнутая стрела, исходящая из полукружия⁴⁷, или, по толкованию Б. Папроцкого, половина колеса внизу, в нем крест, в верхней части заканчивающийся копьем⁴⁸. Этот герб родствен гербу Огоньчик, его носители жили в Великомирском повесье⁴⁹. Колесо графически соотносится в гербе с изображением месяца в предыдущем “знамени”; это понятно, поскольку изображаются родственные эмблемы. Особенно отчетливо представлена их схожесть в гербе из острожского Букваря 1578 г. Симметричность этой символической пары, намеренно подчеркнутая геральдиком и, несомненно, одобренная Иваном Федоровым⁵⁰, коллективом редак-

⁴⁷ См.: *Нелировский Е. Л.* Выдающийся памятник восточнославянской культуры // Острожская азбука Ивана Федорова: Исследование. Словоуказатель. М., 1983. С. 44.

⁴⁸ См.: *Herbarz Polski*. Т. VII. S. 176.

⁴⁹ См.: *Ibid.* Т. V. S. 190.

⁵⁰ Можно предположить, что он участвовал в создании типографского варианта герба К. Острожского: известно, например, что форма картуша герба 1581 г. заимствована из польской Библии 1563 г., изданной в Бресте польско-белорусско-литовскими кальвинистами.

торов и самим князем (так, герб сыновей князя Константина отличается диагональным соотношением тех же “знамен” в поле гербового щита⁵¹), была удачно использована для символического перетолкования эмблемы в ее соотношении с предыдущей. По геральдической иерархии это “знамя” справедливо занимает последнюю четверть щита в гербе князя Константина Острожского. Однако в толковании Г. Смотрицкого оно становится вершиной, к которой обращено все сложное символическое построение, данное в виршах: “Спасение Христос Бог съдеа посреде земля, / на кресте руце простер, всех к себе приемля. / На нем же рукописание грех наших растерзав, / из ветхаго человека нетленно новаго создав”.

Таким образом, в геральдическом символе автор виршей видит исключительно крест, соотношенный с рождественской звездой предыдущего символа. Обе эмблемы связаны хронологически, как начало и конец земного пути Христа, при этом противопоставление Ветхого и Нового Завета углубляется сопоставлением ветхого и нового человека.

Тема Христа и Адама как двух крайних точек человеческой истории широко обсуждалась в литературе того времени в связи со спорами о предопределенности человеческой жизни (точка зрения, отстаивавшаяся протестантскими мыслителями, и прежде всего Мартином Лютером) или свободной воле человека, “самовластии” (точка зрения, принадлежавшая их католическим оппонентам)⁵². Этот же спор на Руси представлен сочинениями Иосифа Волоцкого, Андрея Курбского, Ивана Грозного, Федора Курицына. Следует сказать, что он вызвал живейший интерес и у первых читателей ОБ⁵³, поводом к чему, вероятно, послужили и сопоставления, сделанные в виршах на герб Герасимом Смотрицким.

Здесь автор виршей попал в трудное положение: сопоставить, как это требовала логика всего произведения, князя Константина с распятым на кресте Спасителем было немыслимо. Однако выход нашелся в виде замены образа креста крестным знамением, принеся лестное сравнение князя с римским императором Флавием Валерием Константином (285–337 н. э.), крестившим Рим, и его знаменитым видением креста со словами “Сим победиши”, обещающими победу над неприятелем⁵⁴: “И ты крестное знамение не туне носиши / великому Константину им ся подобииши. / Он бо на небеси сие видев победил сопостаты, / ты же побеждаи еретик и бесов тристаты”. Это толкова-

⁵¹ См.: *Каменева Т. Н., Гусева А. А.* Украинские книги кирилловской печати... № 752.

⁵² См., напр., полемизирующие друг с другом сочинения Эразма Роттердамского “Диатриба, или Рассуждение о свободе воли” и Мартина Лютера “О рабстве воли” в кн.: *Эразм Роттердамский. Философские произведения.* М., 1987.

⁵³ См.: *Пихоя Р. Г.* Приписки конца XVI в. на листах Острожской Библии из собрания Уральского государственного университета // Федоровские чтения 1982. М., 1987. С. 27–29.

⁵⁴ См.: Великие минеи четьи, 21 мая.

ние более всего устраивало Герасима Смотрицкого, позволяя ему вновь вернуться к теме битвы с еретиками, к которым он добавил, исходя из последнего понимания креста, также бесов.

* * *

Темой креста и битвы автор виршей закончил исчисление “знамен” герба князя Острожского и перешел к заключительной части всей композиции – обращению к князю, размещенному в центре нижнего поля листа, напротив обращения к читателю. “Великоя глубины богослова княже съименный, / да сподобит тя Господь Бог венец прияти нетленный. / Въ здравии же телесном благообразно длъгоденствовати / и в царствии небесном со избранными радостно ликоствовати”. Уподобление князя некоему богослову, вероятно, следует связывать с сопоставлением монашеского имени князя (Василий) и имени Василия Великого, архиепископа Кесарийского (IV в. н. э.). Это сравнение перекликается с обыгрыванием светского имени князя в предыдущей строфе.

Славословия князю автор виршей связывает с его главной заслугой: “Яко всем по чину представил еси божественное писание, / истиннаго Бога и правды Его в похвалу и познание. / Да всяк читаяи боголепно благодарит създателя / и не забывает достоина мзды своея делателя”. В соответствии с этим далее в своих виршах Герасим Смотрицкий будет сопоставлять князя Острожского с князем Владимиром, крестившим Русь (“Владимер бо свои народ крещением просветил / Конъстантин же богоразумия писанием осветил” (л. 3 нн. об.)), и князем Ярославом Мудрым (“Ерослав зиданием церковным Киев и Чернигов оукраси, / Костантин же едину съборную церковь писанием възвыси”). Характерно, что цепочка этих сопоставлений завершается ссылкой на родословие Острожских, зафиксированное в исторических сочинениях: “Болше о сем недооумею ниже дръзаю писати, / ини бо о сем множае могут и лучше сказати. / Паче же польска кронника и рускии летописец, / Сведительствуют дом сеи яко Победоносец”. В этих строках, завершающих систему предисловий ОБ, Герасим Смотрицкий снова возвращается к высокому духовному смыслу исторической миссии княжеского рода Острожских, к тому смыслу, который вычитывался автором виршей и в “знаменах” княжеского герба.

* * *

Исторические образы, использованные для создания образа князя Острожского, привлекали внимание читателей, хотя и не всегда ими верно понимались. Один из читателей книги в XIX в. выписал на полях краткие справки. К тексту “Владимер бо свои народ крещением просветил” он пишет: “Владимир княжил веки... 981 году”, к тексту “Ерослав зиданием цер-

ковным Киев и Чернигов оукраси” – “Ерослав в Новгороде княжил...”, к тексту “Ныне же Константин Острожское княжа” – “Константин Всеволодович 1216 году княжил во Владимире”⁵⁵. В другом экземпляре к первому из указанных отрывков полууставом XVII в. сделана запись: “В лето 6496-е, успе же Владимир въ 6524 год”⁵⁶. Целую систему записей XVII в. к предисловиям ОБ можно обнаружить в экземпляре из собрания БАН⁵⁷. Еще один читатель XVII в. заключил вирши на обороте титула в сетку раскрашенных шестиугольников⁵⁸.

Внимание читателей привлекала и личность автора виршей: в экземпляре Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника (шифр: Ст. IV 211) на л. 5 нн. под словами “Герасим Данилович” почерком XVII в. дописано: “Auctor”⁵⁹. В другом экземпляре слова “Герасимом Даниловичем” подчеркнуты и написано: “W dowod vsa (нрзб.) 1810 23 aug.”⁶⁰.

* * *

Внешне приемы оформления Острожской Библии демонстрируют ориентацию печатника на новейшие достижения полиграфической техники своей эпохи: титульный лист с рамкой-порталом, на его обороте герб и геральдические вирши, предисловие издателя и составителей, оглавление, в конце книги – календарные указатели, послесловие печатника, печатный знак. Все эти элементы получили к тому времени распространение в книгопечатании многих стран⁶¹. Однако обычная практика восхваления меценатов издания, искусство геральдиста и печатника здесь оказались направленными на совершенно иные цели.

Военная тематика, естественно исходящая из содержания геральдических эмблем, воплощенная в образах конного воина, попираемого змея, копия, меча, стрел, и геральдические крест, луна и звезды вплетаются в общую ткань полемического и далее библейского текста, начинают его изъяснять, представляя все издание как единое символическое пространство, образованное собственной сакральной символикой священного текста и опирающихся на него внешних элементов.

⁵⁵ РГБ. № 6584.

⁵⁶ Там же. № 1458.

⁵⁷ БАН. Епиф. № 1.

⁵⁸ См.: *Немировский Е. Л.* Иллюминированный экземпляр Острожской Библии 1581 г. с рукописными дополнениями // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 443.

⁵⁹ *Исаевич Я. Д.* Каталог збережених друків Івана Федорова та читачькі записи на них. С. 165. № 1.

⁶⁰ РГБ. № 6305.

⁶¹ См.: *Исаевич Я. Д.* Острожская Библия как памятник межславянских культурных связей // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 20–21.

Можно говорить о новых смыслах, которые привнесла система предисловий ОБ в понимание библейского текста. Целый ряд подражаний образам и стилю предисловий ОБ в предисловиях к более поздним изданиям, читательские пометы на многих экземплярах книги позволяют сделать вывод о том, что символические построения редакторов ОБ не остались незамеченными.